

Владимир МАСЛИЙЧУК

СЛОЖНОСТИ ТЕОРИЙ

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ЛОКАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ, ПРОСВЕЩЕНИИ И СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЕ

Мне сложно писать о книге Владимира Склокина. И дело не только в том, что я был ее официальным рецензентом и поэтому уже писал подробно об этой работе, а также обсуждал возникшие у меня вопросы с автором. Важнее то, что я скорее историк-“практик”, который очень любит источник и часто прячется за ним, — тем более, что я занимаюсь региональной историей. Владимир Склокин во многом больше теоретик: первый переводчик работ Хейдена Уайта, Франка Анкерсмита и Эвы Доманской на украинский язык, исследователь роли публичных интеллектуалов, руководитель магистерской программы “Public History” в Украинском католическом университете во Львове. Сближает нас то, что Склокин, ко всему прочему, еще и историк XVIII века: его кандидатская диссертация, на основе которой написана книга, была посвящена категории “войсковых обывателей” (основной части населения Слободской Украины, несшего казачью службу до 1765 г.) и постепенному превращению этой группы в государственных крестьян.¹ Рецензируемая монография существенно отличается от текста диссер-

¹ В. Склокін. Військові обивателі Слобідської України: інтеграція до імперського суспільства (1765–1798) / Дис. ... к.і.н. Харків: Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна, 2010.

тации более широкими подходами и взглядами, попыткой концептуализировать имперскую политику социальной инженерии и, главное, подчеркнуть интеллектуальную составляющую региональной истории.

Теоретические подходы к истории Украины до сих пор встречаются недопонимание, и книга наверняка вызовет немало претензий: почему оказался пропущен тот или иной сюжет, не упомянуты позитивистские труды классиков (до сих пор представляющие для многих последнюю инстанцию), не уделено внимания предыстории. Дополнительным раздражителем окажутся и использованные в книге понятия, такие как “Просвещение”, “империя”, “колониализм”, “регионализм”, “идентичность” (или отсутствие понятия “национализм”). Автору, однако, пришлось решать более сложные задачи: анализировать взаимоотношения имперских структур и локального сообщества в очень специфическом регионе, причем обращая внимание не только на роль элит (хотя куда без них), но и на основную массу населения бывших служащих Слободских полков. Хронологические рамки исследования охватывают самый сложный период трансформации региона: интеграции его в Российскую империю и упразднения казачьего устройства. К тому же, изменялась в этот период и сама империя, а российские правители начинали понимать территорию как “используемое пространство”, в котором окраины можно не только содержать, но и использовать (С. 34).

Любой сюжет, описанный автором, заслуживает отдельной монографии, но и она неизбежно вызовет множество споров и недоразумений. Слишком уж неоднозначен пограничный регион Слобожанщина, слишком много в нем было противоречий. В наше время дополнительную опасность занятиям имперской историей придает российско-украинский конфликт и длительная война на Донбассе, где полоса разграничения отчасти совпадает с границей бывшей Слободской Украины (северные части Луганской и Донецкой областей – это восточная часть Слобожанщины).

Слободскую Украину можно считать искусственным регионом, с крайне пестрым по составу населением. Рядом с “черкасским” (малорусским, украинским) населением существовали большие анклавы, заселенные довольно неоднородными в социальном отношении “русскими”: однодворцами из сел южнее Белгородской черты, жителями Чугуевского “уезда”, включавшими небольшое число крещеных калмыков, населением Битюга и востока бывшего Острогожского полка. Все же к XVIII в. регион сложился в определенных границах и обзавелся собственным символическим пространством. В этот процесс внесла

свой вклад и Российская империя, в рамках которой на месте пяти бывших Слободских полков появилась Слободско-Украинская губерния (1765–1780 гг.). Осознание особости истории региона произошло на волне романтизма, после очередного изменения названия губернии на Харьковскую в 1835 г. Исчезновение исторического названия подстегнуло интерес к прошлому края.²

Владимира Склокина интересует не административная история Слободско-Украинской губернии и не множество партикулярных социальных групп, а “идеологема”: как на уровне правителей империи воспринимался регион и как региональные элиты и бывшая привилегированная часть населения понимали свое место в империи. Это больше история “интеллектуальная”, чем “социальная”, во многом в русле книги Ларри Вульфа “Изобретая Восточную Европу” (1994), которая оказала влияние на целое поколение историков. Соответственно, в книге говорится об “ориентализме” и “ориентализации” (С. 22–23, 40). Я понимаю логику автора, но считаю применение этих терминов к эпохе до распространения массового образования анахронизмом: трудно оценить, в какой мере печатная продукция влияла на самовосприятие населения региона. В остальном я согласен с интерпретацией динамики политического воображения в эпоху Просвещения, предложенной Вульфом и разделяемой, очевидно, Склокиным: деятели Просвещения проводят культурные границы, обращая внимание на местные особенности и открывая “народ”. Поэтому зарождение национальных движений в Центрально-Восточной Европе, приведших впоследствии к перекраиванию карты континента, происходит в имперских столицах (будь то Санкт-Петербург, Москва или Вена): местная среда не имела своих типографий, журналов и академий до начала XIX в. Таким образом, символическая география эпохи Просвещения оказывала влияние, часто определяющее, на осмысление “национальной общности” периода модерного национализма.

Так произошло и со Слободской Украиной. Первоначальная схема ее истории была предложена Иваном Переверзевым в его “Топографическом описании Харьковского наместничества” 1788 г., вписывавшего бывшую Слобожанщину в пространство “Южной России”.³ Работа эта

² См. И. Срезневский. Историческое обозрение устройства Слободской Украины со времени ее заселения до преобразования в Харьковскую губернию. Харьков, 1843.

³ И. Переверзев. Топографическое описание Харьковского наместничества с историческим предуведомлением о бывших в сей стране с древних времен переменах, взятым к объяснению деяний и Хронологии из Татарской истории Баядур Хана

не получила широкого распространения в свое время, хотя, по мнению Романа Шпорлюка, являлась первой попыткой “национального картографирования” украинцев. В этом смысле Шпорлюк считает труд Переверзева сопоставимым по значению с “Энеидой” Ивана Котляревского, опубликованной в 1798 г., – первым произведением на современном украинском народном языке.⁴ Как “Топографическое описание Харьковского наместничества”, так и “Энеида” были написаны местными деятелями, но изданы в имперских столицах – Москве и Санкт-Петербурге. До поры забытые, идеи Переверзева сыграли определяющую роль для понимания истории региона (С. 52), а главное, для понимания украинской идентичности.

Ведущий украинский историк и разрушитель имперского нарратива украинской истории Михаил Грушевский отводил Слободской Украине своеобразную роль: он считал ее бледной копией Гетманщины – основной казацкой автономии, экспериментальной площадкой царского правительства, на которой отрабатывались меры социально-политической инженерии, прежде чем их распространяли на другие автономии.⁵ В этой перспективе Слобожанщина лишалась субъектности, да и не представляла особого интереса, учитывая не слишком успешные итоги проводившихся на ее территории еще со времен Московского государства экспериментов: строительства оборонительных линий; Крымских походов (участие в которых Слободских полков координировал Приказ Великой России⁶); реформ конца XVII – начала XVIII в. (регулировавших границы полков, социальное разделение казацкого войска, а также ликвидировавших воеводское правление в большинстве городов); краткосрочных реформ Михаила Голицына 1720-х гг. и масштабных трансформаций Алексея Шаховского, частично отмененных

Абулгази, Российской Истории Князя Щербатова, Начертания Европейской истории Готфрида Ахенвалла и политической Истории Самуила Пуффендорфа. Москва, 1788.

⁴ Впервые эта мысль прозвучала в 2008 г.: Roman Szporliuk. Mapping Ukraine: From Identity Space to Decision Space // Journal of Ukrainian Studies. 2008–2009. Vols. 33-34. (=Tentorium Honorum: Essays Presented to Frank E. Sysyn on His Sixtieth Birthday) / Ed. Olga A. Andriewsky, Zenon E. Kohut, Serhii Plokhyy, Larry Wolff. Pp. 441-452.

⁵ М. Грушевський. Ілюстрована історія України. Київ, 1990. С. 387, 389.

⁶ Приказ Великой России в 1687–1700 гг. занимался прежде всего населением Слободских полков. В Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского (далее ИРНБУВ) хранится ценная диссертация начала XX в. Василия Данилевича “Приказ Великой России” с очень тщательным разбором функций этого учреждения.

в 1743 г.; наконец, создания регулярных частей на основе слободских полков после 1757 г. — и это лишь основные вехи столетия “реформ и других бедствий”.

Владимир Склокин уделяет минимальное внимание этим событиям, прежде всего, потому, что не разделяет взгляд на Слободскую Украину как на пассивный объект административных экспериментов центральной власти. Избегает он обсуждения и другого аспекта подобной социальной инженерии — принудительного перемещения населения: вывода украинских жителей северных городов бывшей Белгородской черты на юг от Острогожска, заселения “черкасами” земель донского казачества после поражения восстания Кондратия Булавина (кстати, уроженца Салтова со Слободской Украины), переселения молдавских эмигрантов после провального Прутского похода Петра I 1711 г., создания Украинской линии, заселенной однодворцами, появления в этих краях цыган, водворения сербов к югу от слободских полков (параллельно с созданием Новой Сербии на другой экспериментальной площадке — на юге украинского Правобережья). Эти демографические процессы отличались от спонтанной колонизации Дикого поля или освоения Сибири и больше напоминали габсбургские эксперименты на балканской *Militärgrenze* (в Хорватии, Банате, Герцеговине).⁷ Ради-кальные изменения в этнокультурном составе населения происходили на Слобожанщине и позже, будь то появление немецких колоний (например, Рыбенсдорф возле Острогожска), немецких мастеров и во-енных в Харькове или размещение мусульманских военнопленных во время русско-турецких войн. С другой стороны, следует упомянуть и вывод Слободской Украины за пределы черты еврейской оседлости, в результате чего Слободско-Украинская (Харьковская) губерния стала единственной из “украинских”, в которой действовали ограничения на проживание и деятельность евреев. Этнокультурная динамика на-селения может многое объяснить в истории и особенностях региона, но и она остается за рамками обсуждаемой книги.

В центре внимания Владимира Склокина находится, прежде всего, процесс интеграции Слобожанщины в империю, реформирование

⁷ О “Военной границе” см. например: Christoph Pöll. *Die österreichische Militärgrenze* // *Historia Scribere*. 2013. No. 5. S. 427-444; Géza Pálffy. *The Origins and Development of the Border Defence System against the Ottoman Empire in Hungary (Up to the Early Eighteenth Century)* // Géza Dávid and Pál Fodor (Eds.). *Ottomans, Hungarians, and Habsburgs in Central Europe: The Military Confines in the Era of the Ottoman Conquest*. Leiden, 2000. Pp. 3-69.

Слободских полков. Он рассматривает этот процесс как взаимодействие имперских властей с проектами, зачастую сформулированными местной элитой, которые, в итоге, брали верх над изначальными планами Санкт-Петербурга. Эта очень важная концепция, корректирующая старую интерпретацию истории Слобожанщины Грушевского, опирается на новую документальную базу и критическое прочтение интенций и практических мер имперских чиновников. Слободская Украина предстает в книге Склокина даже более удачным примером реализации просветительских преобразований, чем Малороссия или Причерноморье. Историческая субъектность региона восстанавливается им, прежде всего, благодаря вниманию к человеческому фактору исторического процесса.

Так, особое место в книге отводится главе Комиссии о слободских полках, а затем первому Слободско-украинскому губернатору, Евдокиму Щербинину. Почему унификационные проекты Щербинина были реализованы вопреки сопротивлению местных элит, а Петру Румянцеву в соседней Гетманщине не удалось добиться аналогичного уровня интеграции региона в имперскую административно-правовую систему? Вероятно, сказалось и то обстоятельство, что гвардейский майор и псковский дворянин Евдоким Щербинин, а также его родственники не имели глубоких связей с местным обществом, а военные действия не замедляли реформ. Да и в среде местной элиты было немало приезжих, получивших поместья в Слободско-Украинской губернии недавно: семья Войновичей, Назар Каразин (отец Василия Каразина), Александр Палицын, а также корреспонденты Императорского Вольного экономического общества в Слободско-Украинской губернии капитан Иван Меркулов и Бенигна Дебринская.⁸

Внимание к историческим акторам позволяет также обнаружить, что правительство не являлось единственным проводником идей Просвещения в регионе, а значит, не обладало монополией на их толкование и претворение в жизнь. Представители слободской элиты предлагали собственную трактовку этих идей, к примеру, Василий Абаза, автор интересных мемуаров, упоминаемых в книге (С. 18). Абаза – потомок молдавских эмигрантов, в юности поступил на военную службу, как было заведено в среде дворянства, принимал участие в разрушении Запорожской Сечи. Он с презрением отзывался об идеях Вольтера, не испытывал никаких симпатий к запорожцам, погрязшим в невежестве

⁸ См.: Colum Leckey. Provincial Readers and Agrarian Reform, 1760–70s: The Case of Sloboda Ukraine // Russian Review. 2002. Vol. 61. No. 4. P. 540.

и пьянстве – “из сих особливо малороссиян почти вся сволочь”.⁹ В этих оценках он радикально расходился с упоминаемыми в книге Иваном Переверзевым, Иваном Острожско-Лохвицким и, тем более, Романом Цебриковым, который идеализировал запорожское казачество. Однако он был таким же типичным представителем эпохи Просвещения, как и они, но выражал иную часть широкого спектра идей, которые мы называем просветительскими.

Перехода от анализа конкретных биографий к широким обобщениям, автор ступает на скользкий путь изучения “трансформации идентичности”. Впрочем, ход событий, кажется, подтверждает его выводы. В отличие от Гетманщины, в Слободской Украине происходили протесты против реформ, упразднявших слободские полки, – вначале слабые, затем более масштабные. В свое время Михаила Драгоманова восхищал даже “небольшой бунт изюмского полковника Краснокутского”, аналогов которому он не находил в соседней гетманской автономии.¹⁰ Случай Слободской Украины оказывается парадигмальным для осмысления украинской идентичности в целом – как идентичности, сформированной на пограничье, в зоне контакта. Это трансрегиональное единство украинцев казалось очевидным внешним наблюдателям уже в описываемый автором период. Так, проезжая через слободской Острожск в 1768 г., академик Самуил Готлиб Гмелин обратил внимание на “Малороссию” и малороссиян, живущих в Воронежской губернии. Для него Малороссия отличалась от других регионов не только языком и нравами, но и архитектурой, степенью распространения сифилиса или прививания оспы.¹¹ Такое комплексное восприятие населения и позволяет зафиксировать контуры групповой идентичности, не сводящейся к бинарной оппозиции “мы – они”.

Главный тезис книги Владимира Склокина о том, что Слободская Украина оказалась лидером модернизационной трансформации по сравнению с другими украинскими землями, наверняка станет объектом критики. Однако критикам стоит обратить внимание, к примеру, на динамику роста городов Слободско-Украинской губернии и особенно

⁹ ИРНБУВ. Ф. XII. Вадим Модзалевский. Дело 702. Век дворянства Василия Абазы.

¹⁰ М. Драгоманов. Нові українські пісні про громадські справи 1764–1880. Львів, 2007. С. 101–102.

¹¹ С. Г. Гмелин. Путешествия по России для исследования трех царств естества. Часть 1. Путешествие из Санкт-Петербурга до Черкаска, главного города донских казаков в 1768 и 1769 годах. Пер. с нем. 2-е издание. Санкт-Петербург, 1806. С. 133, 140, 142.

на изменение роли Харькова. Комиссия Слободских полков заседала в Острогожске, решение сделать центром губернии Харьков было принято лишь в 1765 г. Это решение дало толчок развитию города, но основой модернизации было не внешнее воздействие имперских властей, а собственные ресурсы. Так, большинство населения Харькова и прежде было пришлым (10-15%), поэтому дальнейший рост города не выглядел разительным контрастом со старыми временами. В городе уже существовало учебное заведение – Харьковский коллегиум, его просто решили реформировать, создав вспомогательные классы. Главными деятелями просвещения и директорами светских учебных заведений стали выходцы из духовных семей Максим Горленский, Иван Переверзев, Федор Кудрицкий, как бы символизируя преемственность между традиционными формами культуры и современной идеологией Просвещения.

В этой связи у меня как раз возникают сомнения по поводу правомерности интерпретации Склокиным личности Романа Цебрикова как типичного харьковского просветителя. Цебриков подростком покинул Харьков, отправившись на учебу в Санкт-Петербург, а затем в Лейпциг. Несмотря на пиетет к “малой родине”, Цебриков провел всю свою сознательную жизнь вдали от нее, и его просветительские взгляды вряд ли отражали региональный опыт Слобожанщины. В книге не хватает, по моему мнению, внимания к персонажам, формально не относившимся ни к имперским администраторам, ни к старой слободской элите, но внесшим важнейший вклад в развитие Харькова во второй половине XVIII в. Например, протестантский проповедник и учитель немецкого языка Иоганн Паули или остзейский дворянин Густав Буксгевден – эти “немцы” способствовали трансформации грязного города в упорядоченный губернский университетский центр.

Завершает монографию глава, выбивающаяся из общей структуры и логики анализа, в которой автор задает самостоятельный глобальный вопрос: существовал ли особый украинский вариант Просвещения? Мне эта глава кажется эклектичной по содержанию, а вопрос – не вполне корректным и малопродуктивным. Дело не в проецировании тех или иных национальных рамок на универсальное синтетическое понятие, а в деконструкции самого этого понятия, тех ограничений и иерархий, которые устанавливает его применение. Последняя глава явно не из этой книги и будет вызывать недоумение читателей. Ну что же, структура книги – воля автора, возможно, это сознательная интеллектуальная провокация с его стороны.

Владимир Склокин поднимает в книге темы, которые трудно полноценно обсудить в синтетической работе, вне контекста специального исследования – будь то землепользование, мобильность населения и ее ограничение, или даже такие конкретные сюжеты, как владение мельницами или винокурение как элемент былых служебных привилегий. Но вовсе не упоминать эти, казалось бы, специальные темы было нельзя, поскольку они играют роль важных маркеров трансформации региона, отражая реальность, сохранившуюся и в XIX в. Часть этих маркеров, отражающих половинчатую модернизацию “долгого XVIII века”, перемещается в сферу социального конфликта: бегство крестьян, тяжбы за земли и мелкопоместное владение, нелегальное винокурение. Другая тенденция, вырастающая из преобразований XVIII в., связана с развитием светской школы, появлением больниц, “новой тюрьмы”, гуманизацией юриспруденции, развитием путей сообщения, трансформацией рекрутской повинности. Я бы уделил внимание этой перспективе в качестве итогового раздела книги.

Впрочем, важно то, что в книге есть, а не то, что в ней могло бы быть. С этой точки зрения я считаю книгу Владимира довольно удачной. Метод – это путь, а соединение разных методов – и социальной, и интеллектуальной истории – это прокладывание новых дорог, ждущих и критиков, и последователей.

SUMMARY

This review essay is a contribution to the discussion forum dedicated to Volodymyr Sklokin's book *The Russian Empire and Sloboda Ukraine during the Second Half of the Eighteenth Century: Enlightened Absolutism, Imperial Integration, Local Society* (Lviv, 2019).

BIBLIOGRAPHY

- Dragomanov, M. *Novi ukrains'ki pisni pro gromads'ki spravy 1764–1880*. Lviv, 2007.
- Gmelin, G. *Puteshestviia po Rossii dlia issledovaniia trekh tsarstv estestva*. Part 1: *Puteshestvie iz Sankt-Peterburga do Cherkasska, glavnogo goroda donskih kazakov v 1768 i 1769 godah*. 2nd ed. St. Petersburg, 1806.
- Hrushevs'kii, M. *Illustrovana istoria Ukrainy*. Kyiv, 1990.

- Leckey, Colum. Provincial Readers and Agrarian Reform, 1760–70s: The Case of Sloboda Ukraine // *Russian Review*. 2002. Vol. 61. No. 4. Pp. 535–559.
- Pálffy, Géza. The Origins and Development of the Border Defence System against the Ottoman Empire in Hungary (Up to the Early Eighteenth Century) // Géza Dávid and Pál Fodor (Eds.). *Ottomans, Hungarians, and Habsburgs in Central Europe: The Military Confines in the Era of the Ottoman Conquest*. Leiden, 2000. Pp. 3–69.
- Pereverzev, I. Topograficheskoe opisanie Khar'kovskogo namestnichestva s istoricheskim predvedomleniem o byvshikh v sei strane s drevnikh vremen peremenakh, vziatym k ob"iasneniiu deianii i khronologii iz tatarskoi istorii Baiadur Khana Abulgazi, Rossiiskoi Istorii Kniazia Shcherbatova, Nachertaniya Evropeiskoi istorii Gotfrida Akhenvalla i politicheskoi Istorii Samuila Puffendorfa. Moscow, 1788.
- Pöll, Christoph. Die österreichische Militärgrenze // *Historia Scribere*. 2013. No. 5. Pp. 427–444.
- Sklokin, V. Viiskovi obyvateli Slobidskoi Ukrainy: integratsia do perskoho suspilstva (1765–1798) / Candidate of Sciences in History dissertation. Kharkiv, 2010.
- Sreznevskii, I. Istoricheskoe obozrenie ustroistva Slobodskoi Ukrainy so vremeni eie zaseleniia do preobrazovaniia v Khar'kovskuiu guberniiu. Kharkov, 1843
- Szporliuk, Roman. Mapping Ukraine: From Identity Space to Decision Space // *Journal of Ukrainian Studies*. 2008–2009. Vols. 33–34. (=Tentorium Honorum: Essays Presented to Frank E. Sysyn on His Sixtieth Birthday) / Ed. Olga A. Andriewsky, Zenon E. Kohut, Serhii Plokhyy, Larry Wolff. Pp. 441–452.

ARCHIVES

Institute of Manuscript, Vernadsky National Library of Ukraine.
F. XII. Vadim Modzalevskii. D. 702. Vek dvoryanstva Vasiliya Abazy.